

Я. С. ЛУРЬЕ

Еще раз о Первом послании Ивана Грозного к Курбскому

Проблемы истории текста и текстологии постоянно встают в работах по истории средневековых литературных памятников, в том числе памятников средневековой Руси. Только сплошное сопоставление рукописей изучаемого памятника дает возможность поставить вопрос об истории его текста; при этом, как справедливо отмечают современные филологи, решающую роль имеют существенные структурные совпадения и расхождения между текстами и безусловные общие ошибки, отличающие одни группы списков от других. Такие расхождения между текстами получили в советской филологической науке наименование «необратимых» соотношений, дающих основания считать чтения одного рукописного вида явно первичными а другого — вторичными.¹ Схемы, построенные на основе подобных сопоставлений, указывают не только на связи между теми или иными видами и списками, но и на их генеалогию.

В какой степени такие схемы сами могут быть «обратимы»? Можно ли, не отрицая установленных соотношений между текстами, объявить текстологических «предков» потомками и наоборот?

Вопрос этот недавно встал в связи с любопытной статьей Эдуарда Кинана о Первом послании Ивана Грозного князю Курбскому, опубликованной в сборнике, посвященном памяти А. А. Зимина.² Статья эта примыкает к ряду исследований Э. Кинана, в которых обосновывается «апокрифичность» и позднее (XVII в.) происхождение переписки Курбского с Иваном Грозным. Исходным толчком к построению Э. Кинана было сделанное им важное наблюдение: он обнаружил текстуальные совпадения между первым посланием Курбского царю и двумя сочинениями — «Плачем» и «Жалобой» — каменец-подольского апока Исайи, приехавшего на Русь, там арестованного и с 1561 г. находившегося в заточении в Вологде. «Плач» Исайи имеет точную дату: 1566 г. Считая сходные тексты у Исайи более первоначальными, а у Курбского — вторичными, Э. Кинан сделал из этого вывод, что первое послание Курбского было написано не ранее 1566 г. А между тем по смыслу это послание могло быть написано только сразу после бегства Курбского — в апреле 1564 г.; ответное послание Грозного имеет точную дату — 5 июля 1564 г. Следовательно, заключил Э. Кинан, дата переписки ложна: исходные послания Курбского

¹ См.: Лихачев Д. С. Текстология: На материале русской литературы X—XVII вв. 2-е изд. Л., 1983. С. 227; Лурье Я. С. Изучение русского летописания: Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1968. Вып. 1. С. 21; Зимин А. А. Трудные вопросы источниковедения Древней Руси // Источниковедение: Теоретические и методические проблемы. М., 1969. С. 432; Данти А. О «Задовщине» и о филологии: Ответ Д. С. Лихачеву // Источниковедение литературы Древней Руси. Л., 1980. С. 78—79, 85.

² Кеenan E. L. The Karp/Polikarp Condurum: Some Light on the History of «Ivan IV's First Letter» // Essays in Honor of A. A. Zimin. 1983. P. 205—231 (далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страниц в скобках).

и Ивана IV были написаны не сразу после бегства князя Андрея в 1564 г., как указывается в их тексте, а позже; перед нами не подлинная переписка, а «апокриф» XVII в. (от этого времени и дошли рукописи переписки).³ Недостаточность и неубедительность этой аргументации была показана рядом авторов: Э. Кинан не отверг возможность восхождения сочинений Курбского и Исайи к общему источнику и, главное, не доказал первичности текста Исайи и вторичности — Курбского. А. А. Зимин пришел к выводу, что влияние текста Курбского на «Жалобу» Исайи более вероятно, чем обратное соотношение; Дж. Феннел обратил внимание на явную вторичность (по отношению к тексту Курбского) текста «Плача» 1566 г. Поэтому, писал А. А. Зимин, влияние Курбского на Исайю более вероятно, чем обратное влияние, и, не опровергнув этого соотношения, Э. Кинан, по словам А. А. Зимина, обнаруживает явную тенденцию «уложить имеющийся материал в прокрустово ложе ошибочной авторской концепции, несмотря на явные несоответствия многочисленным фактам и текстологическим наблюдениям».⁴

В статье, помещенной в сборнике памяти А. А. Зимина, Э. Кинан не разбирает и никак не опровергает аргументов этого ученого и других авторов по основным пунктам своего построения. Статья его посвящена только одному памятнику переписки — Первому посланию Ивана IV, обычно датируемому 1564 г., но относимому автором к XVII в. Первое послание Грозного, самое обширное в переписке, дошло до нас в нескольких редакциях (все они, как и послания Курбского, сохранились в списках XVII в. и последующих веков). Это: 1-я пространная редакция; краткая редакция, содержащая лишь отдельные фрагменты ответа его противнику, расположенные без какого-либо определенного порядка; 2-я пространная редакция, в обоих видах которой (в составе хронографа и в «сборниках Курбского» конца XVII в.) обнаруживается абсурдная перестановка текста — фрагмент с цитатой из Дионисия Ареопагита попал из конца послания в середину рассказа о Сильвестре и Адашеве; и, наконец, сокращенная редакция, имеющая характерные черты поздней переделки. К какому времени относится возникновение этих редакций? Наиболее очевидной по отношению к остальным представляется первичность текста, дошедшего в редакции, которую мы определяем как 1-ю пространную: и по тексту и по его расположению (отсутствие абсурдной перестановки) она наиболее последовательно соответствует исходному посланию Курбского и включает ответы на все упреки оппонента. 2-я пространная редакция явно дефектна; краткая — фрагментарна и не содержит ответа на многие упреки Курбского. Если рассматривать переписку как реальный обмен посланиями, то вторичность краткой редакции по отношению к полному тексту Первого послания царя не вызывает сомнений; но считая всю переписку фиктивной, Э. Кинан уже в книге о переписке Грозного и Курбского утверждал, что краткая редакция послания «Псевдо-Грозного» предшествовала более полным его текстам.

Новое издание «Переписки Ивана Грозного с Андреем Курбским», предпринятое Ю. Д. Рыковым, автором данной статьи и другими авторами

³ Keenan E. L. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha: The XVII Century Genesis of «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge (Mass.), 1971.

⁴ Зимин А. А. Первое послание Курбского Ивану Грозному: (Текстологические проблемы) // ТОДРЛ. Л., 1976, Т. 31. С. 176—201. Ср.: Лихачев Д. С. Курбский и Грозный — были ли они писателями? // РЛ. 1972. № 4. С. 202—209; Андреев Н. Е. Мнимая тема: О спекуляциях Э. Кинана // Новый журнал. Нью-Йорк. 1972. № 109. С. 258—272; Скрынников Р. Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского: Парадоксы Эдварда Кинана. Л., 1973; Fenell J. L. I. Реп. на кн.: Скрынников Р. Г. Переписка Ивана Грозного и Курбского // Russia Mediaevalis. München, 1975. Т. 2. P. 188—198; Rossing N., Rønne B. Apocryphal — not Apocryphal? A Critical Analysis of the Discussion concerning the Correspondence between Tsar Ivan IV Grosnyi and Prince Andrey Kurbskii. Copenhagen, 1980.

в 1979 г., потребовало сопоставления всех текстов Первого послания Ивана Грозного (включая новонайденные) на всем их протяжении. Такое сопоставление показало, что 1-я пространная редакция послания может быть разделена на два вида: списки, в которых послание царя помещено отдельно от послания его противника, и так называемые «печерские сборники» (в списках первой трети XVII в.), содержащие Первое послание Грозного вместе с первым посланием Курбского царю, его посланиями в Печерский монастырь и др., где в послании царя обнаруживается ряд вторичных общих чтений. Краткая редакция оказывается тесно связанной с традицией «печерских сборников» и по составу (в большинстве ее списков также содержатся другие послания Курбского) и по чтениям — в ряде случаев явно вторичным. Такое соотношение текстов побудило автора этой статьи отказаться от своего прежнего предположения, что краткая редакция была следствием переработки текста, произведенного еще при Иване Грозном (в связи с ответными критическими замечаниями Курбского): краткая редакция возникла, очевидно, на основе текста 1-й пространной в «печерских сборниках» и может быть датирована тем же временем, что и эти сборники, — первой третью XVII в. Что касается 2-й пространной редакции, то вторичность ее чтений по отношению к 1-й обнаруживается на множестве примеров, причем ближе к 1-й редакции хронографический вид 2-й редакции, а наиболее удален (и имеет еще множество новых вторичных чтений) — текст в «сборниках Курбского». Сокращенная редакция повторяет специфические чтения «сборников Курбского» и представляет собой компиляцию середины XVIII в.⁵

В своей новой статье Э. Киан принял изложенные выше текстологические наблюдения и согласился с установленной на их основе системой соотношений текстов. Но генеалогическую схему, отражающую это соотношение, он «перевернул».

Схему, предложенную автором этой статьи, Э. Киан (называя 1-ю пространную редакцию просто «Полной» и разделяя 2-ю пространную редакцию на «Хронографическую» и «Сборники Курбского») изобразил так:

Но иная ред. → Хрон. → Сб. Курб. → Сокр. ред.

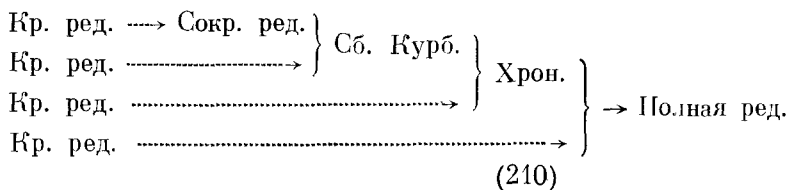
↓

Кр. ред.

(208)

Предложенная им самим «перевернутая» схема выглядит следующим образом:

⁵ См.: Послания Ивана Грозного. М.; Л., 1951. С. 528—559 («Литературные памятники»); Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 315—348 («Литературные памятники») (2-е изд. М., 1981). Отличия отдельных списков 1-й пространной редакции от «печерских сборников» не были замечены Э. Кианом, ошибочно указывающим, что список Б (ГПБ, собр. Погодина, № 1314) «часто стоит одиноко» по отношению ко всем остальным спискам 1-й пространной редакции (224, п. 17, 19). Это недоразумение вызвано непониманием особенностей издания «Переписки. . .» в «Литературных памятниках», многократно отмеченных в издании: в приложениях даются не все разночтения, а лишь исправления основного списка и «групповые разночтения» по другим спискам (ср.: Переписка. . . С. 351, 352, 355, 356 и т. д.). Как и всякий список, Б имеет многочисленные индивидуальные погрешности, исправляемые по всем спискам (КТПАВ). Но по отношению к групповым разночтениям «печерских сборников» (ПАВ) список Б «не стоит одиноко», а систематически совпадает с другим списком, не принадлежащим к числу «печерских сборников», — К (ЛЮИИ, ф. 11, № 41), а иногда и с Т (ГПБ, собр. Титова, охр. № 1421). При этом сходных вторичных чтений в Б и К не обнаруживается (Переписка. . . С. 318); следовательно, они не имеют особого общего оригинала, а непосредственно восходят к протографу 1-й пространной редакции; между тем в «печерских сборниках» содержится множество совпадающих явно вторичных чтений (буквенные обозначения здесь и далее даются в соответствии с изданием «Переписка. . .»).

Как же такое «переворачивание» текстологической схемы мотивируется? Метод, примененный нами, Э. Кианн определил как «микроанализ» (211), при котором более «правильные» чтения принимаются за первичные и обнаруживается тенденция к предпочтению «легких чтений» (*lectio facillior*) более «трудным» (*lectio difficilior*) (209). Сам же он предлагает «располагать (to arrange) и анализировать» версии текста с целью установить «более объемлющее редакторское поведение» (*more comprehensive editorial behavior*) (218).

Несовпадения «легких чтений» с первичными постоянно учитываются в текстологии. Отмечалось, что «как правило, переписчик „облегчает“ текст, непонятное для себя делает понятным, модернизирует его», но что правило это действует далеко не всегда — «бывали редакторы текста, систематически его облегчавшие, модернизовавшие, приближавшие к разговорному языку, но бывали редакторы текста, намеренно архаизовавшие текст . . . предпочитавшие книжные обороты».⁶

В истории текста Первого послания Грозного мы встречаемся со всеми подобными тенденциями и явлениями. «Сборники Курбского» обнаруживают настойчивое (хотя и не всегда последовательное) стремление к замене просторечных оборотов книжными: эти книжные обороты были часто более архаичными и «трудными», но они более соответствовали этикетным представлениям редактора (работа которого относится, по нашему мнению, к концу XVII в.), создававшего версию «сборников Курбского».⁷ Вообще же «трудные» (по соответствующие библейским и другим источникам) обороты более характерны для 1-й пространной редакции, чем для других версий — краткой редакции, 2-й пространной и особенно того вида, который представлен «сборниками Курбского». Так, в 1-й пространной редакции послания царь напоминает Курбскому о злом советнике Ахитофеле, подучившем царевича Авессалома выступить против его отца Давида, «и како потрясенно последи Хусея, единого старца разумом совет его рассыпая». Такое чтение соответствует 2-й Книге Царств (глава 17), где в роли мудрого советника, разрушившего «совет» Ахитофела, выступает Хусея (Хусий). Но для большинства книжников это было, очевидно, «трудное чтение», и сохранили его только два списка 1-й пространной редакции (БК), содержащие, как можно предполагать, первоначальный текст; уже в «печерских сборниках» вместо «последи Хусея» дано более «легкое чтение»: «последи с и я»; то же «легкое чтение» и в краткой редакции, аналогичный текст и в обоих видах 2-й пространной. В 1-й пространной редакции библейский военачальник Авенир именуется «храбрейшим во Израиле»; во 2-й пространной редакции этот оборот (писавшийся, как обычно, в сокращении и под титлом) не был понят, и его заменили на «храбрейший возрастом». Здесь также, очевидно, замена «трудного» чтения на «легкое». В 1-й пространной редакции автор, цитируя Григория Богослова, упоминал о «Дня рожества и крадение» (рождение и сокрытие Зевса), это «трудное» чтение было заменено во 2-й пространной редакции на более «легкое»: «неделю си рожества». В 1-й пространной редакции, в цитате из послания Дионисия Арсепита, упоминался его адресат Димофил: «. . . не враг Димофил, ниже терплю тебе

⁶ Лихачев Д. С. Текстология. С. 185—186.

⁷ Переписка. . . С. 341—344.

лихоимствуема»; во 2-й редакции вместо этого «легкое чтение»: «не враг домосильный же. . .»⁸

Во всех этих случаях, как видим, именно 1-я пространная редакция дает «трудное чтение», а последующие версии заменяют его на «легкое». Но дело не сводится только к «трудности» и «легкости». Чтения «храбрый возрастом», «неделю си рожества», «домосильный же» (речь идет здесь, как и всюду далее, о групповых чтениях, а не о ляпсусах отдельных списков), будучи более «легкими» чтениями для механически работавшего писца оригинала давших версий, вместе с тем бессмысленны в соответствующем контексте. Сравнение 1-й пространной редакции с другими, включая краткую, оба вида пространной и сокращенную, показывает, что текст ее ближе к библейским и патристическим источникам и не содержит множества бессмысленных и явно ошибочных чтений, встречающихся в этих версиях. Чтения 1-й пространной редакции отличает не большая «легкость» или «правильность», а осмысленность в противовес явной бессмыслице — они н е о б р а т и м о первичны.⁹ Так, в 1-й пространной редакции царь отвечает Курбскому, что «безогласных» (т. е. несогласных, враждебных) «бояр у нас несть, разве друзей и советников ваших, иже и ныне подобно бесом, все советы своя лукавья не prestaюще содевати»; во всех списках краткой редакции вместо этого: «безогласных бояр у нас несть, разве друзей и советников». Таким образом, «безогласными» боярами в этой версии оказываются не тайные приверженцы Курбского (как в 1-й пространной редакции), а, напротив, «друзи и советники» царя.¹⁰ В 1-й пространной редакции автор, отвечая Курбскому, называвшему казненных Грозным бояр «мучениками», сравнивал этих бояр с жителями Иерусалима, не принявшими библейского царя Давида, и спрашивал: «Како убо их причтеша в мученики, яко не хотевшим от бога данного царя прияти?» Во 2-й пространной редакции (обоих видах) вместо этого явная бессмыслица: «Како убогих прочительных в вотчинники. . .?» Сокращенная редакция сделала этот текст еще более бессмысленным: «Кто либо убогие или вотчинники. . .?»¹¹ В 1-й пространной редакции, доказывая, что сам царь, а не сподвижники Курбского «прегордые царства разоряли и подручны нам сотворяли», автор восклицал: «. . . тако же и наш промысл и попечение о православи. . .»; тот же текст читался и в хронографическом виде 2-й пространной редакции, но в «сборниках Курбского» вместо этого: «. . . и подручны нам сотворили, талавии. . .» Древнерусское слово «талавии» нам неизвестно, и этот чинимый «гапакс» является результатом простого пропуска куска фразы: «тако же и наш промысл и попечение о православи» в оригинале «сборников Курбского».¹² Как же могут такие явные ляпсусы (примеров которых во всех списках данной версии может быть приведено множество) представлять собой первичные чтения текста? Даже если послание Курбскому составлял не царь, а некий книжник первой трети XVII в., как утверждает Э. Кинан, ясно, что и этот «Псевдо-Грозный» не стал бы писать заведомую бессмыслицу.

В пользу своей «перевернутой» генеалогической схемы происхождения различных версий Первого послания Грозного Э. Кинан выставляет, в сущности, только два текстологических аргумента.

В ответ на заявление Курбского о том, что царь не «узрит» его лица «до дне Страшнаго суда», в послании Грозного говорится: «Лице же свое показуеши драго. Кто убо и желает такового ефиопскаго лица видети?»

⁸ Переписка. . . — Ср. с. 18 и 59, 67: 17 п 67; 35 п 83; 49 п 89; ср. также: с. 318—319, 327—328, 333—340.

⁹ См.: Лихачев Д. С. Текстология. С. 227; Лурье Я. С. Изучение русского летописания // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1968. Вып. 1 С. 24; Зимин А. А. Трудные вопросы источниковедения Древней Руси. С. 432.

¹⁰ Переписка. . . Ср. с. 46 и 60.

¹¹ Там же. С. 19, 68; ср. с. 348.

¹² Там же. С. 37, 86; Послания Ивана Грозного. С. 108.

Где же убо обрящет мужа правдива и зыкры <голубые> очи имуща? Понеже вид твой и злолукавый твой прав исповедует». В краткой редакции этого пассажа нет, но в хронографическом виде 2-й пространной редакции он читается (без последней фразы). Зато в «сборниках Курбского» и совпадающей с ними сокращенной редакции слов «Лице же свое показуеши драго» нет; вместо этого: «Лице же свое пишешь не явити нам до Страшного суда божия. . .»; нет и слов «Где же убо обрящет мужа правдива и зыкры (зекры) очи имуща?»¹³ Здесь, как видим, отсутствует объяснение, почему царь не желает видеть лица Курбского, но зато есть более развернутая ссылка на оппонента: «Лице же свое пишешь. . .» По мнению Э. Кинана, текст «сборников» и сокращенной редакции «лучший, ибо слова Хр<онографической> и Пол<ной> редакции» без ссылки на исходные слова Курбского неясны» (219).

В послании Грозного встречаются обычные для канцелярского стиля XVI в. прямые ссылки на слова противника: «А еже писал еси. . .» или просто «А еже. . .» с перифразой слов Курбского («А еже нечто облыгаем православных. . .», «А еже убо мало рождшия своя зрел еси. . .»)¹⁴ Однако гораздо чаще царь отвечает на слова Курбского, отвергая обвинение без прямой ссылки на противника («О провинении же и прогневании подвластных. . .», «Безмертен же быти не мнюся. . .» и т. д.). Такое косвенное опровержение слов Курбского можно обнаружить в двух фразах, предшествующих словам «Лице же свое показуеши драго. . .»: «Бранные же дела твои нам всем ведомы. . . Мздовоздателя бога призывает. . .»¹⁵ С характерным для него уважением к литературному этикету составитель «сборников Курбского» несколько раз пытался усилить элементы эпистолярного стиля, заменив, например, оборот «А еже убо мало рождшия своя зрел еси. . .» (в 1-й полной редакции и хронографическом виде 2-й пространной редакции) на: «А еже убо речеши, яко ратных ради отлучений, мало зрех рождшая тя. . .»¹⁶ Но, как и обычно, редактирование это было непоследовательным: чаще всего ответы царя Курбскому даются без прямых ссылок на то, что данные слова написал Курбский, — это и так было понятно.

Но если это так, то нет оснований утверждать, что оборот «Лице же свое показуеши драго» без ссылки на слова оппонента неясен и потому вторичен, а ссылка в «сборниках Курбского» «Лице же свое пишешь не явити нам. . .» (вдобавок неточная: у Курбского — «не узриши много лица моего. . .») — первична.

Второй аргумент Э. Кинана основывается на тексте притчи, несомненно восходящей ко второй части послания Дионисия Ареопагита Димифилу (первая часть цитируется в другом месте) и данной в тексте 1-й пространной («Полной») редакции и хронологического вида 2-й пространной в двух вариантах. Первая версия притчи полностью совпадает с текстом кодекса, цитируемого в послании Грозного постоянно, — Великих Миней Четийх. Как и в ВМЧ, героем притчи здесь является критский «священный мужь» Карп, оскорбленный кем-то из «неверных», прельстивших христианина «к безбожию», ибо тогда еще праздновались «иларионские дни» (языческие праздники веселия). Карп молился о погибели грешников, и ему явилось видение: он узрел на небесной высоте Иисуса, а внизу пропасть, на краю которой находились проклинаемые им люди, а змеи обвивали их и тянули в пропасть. Зрелище это до того обрадовало Карпа, что он смот-

¹³ Переписка. . . С. 43, 94; Послания Ивана Грозного. С. 121. — Э. Кинан (224, п. 18) справедливо отметил ошибку, допущенную нами в издании «Посланий»: слова «Лице же свое пишешь не явити нам до дне Страшного суда божия» были приведены как текст из хронографического вида (ХСУ — ср.: Послания Ивана Грозного. С. 57, примеч. б): в действительности этих слов там нет.

¹⁴ Переписка. . . С. 25, 26, 36, 43, 46.

¹⁵ Там же. С. 26, 34, 35, 38, 40, 41, 43.

¹⁶ Ср.: Там же. С. 43, 94 и Послания Ивана Грозного. С. 119, 120; ср. также: Переписка. . . С. 342.

рел в пропасть, пренебрегая тем, что происходило наверху, и Иисус, вставший с небесного престола и протянувший руку грешникам, предложил Карпу бить его рукой «простертой», если ему угодно «в пропасти со змиями пребывание заменить еже з богом и благими человеколюбивыми аггелы». Рядом с этой притчей в 1-й пространной редакции и хронографическом виде 2-й пространной помещена вторая, где о погибели грешников молится уже другой праведник — Поликарп; предметом его негодования являются не «неверные», но «еретики», нарушившие «божественную службу»; подробного описания видения Поликарпа нет, но он также смотрит на грешников, а не на Иисуса, и тогда «аггельский владыка», сходя с «плещ херувимских», подставляет Карпу свои «плещи», которые он и «преже» дал «на раны». Заканчиваются обе притчи сходным поучением «злобесному изменнику» Курбскому, молящемуся против царя.¹⁷

Включение в послание Грозного двух сходных притч с одинаковой моралью несомненно требует объяснения — возможно, что наряду с текстом ВМЧ, точно воспроизведенном в первой притче, в распоряжении царя или, скорее, его помощников был какой-то рассказ, восходивший к Ареопагиту, но отличный от ВМЧ, и этот рассказ был принят за другую притчу с той же моралью.¹⁸ Составитель краткой редакции, сохранив введение к первой притче, присоединил к ней текст второй притчи (с «Поликарпом» и «еретиками») — в этом случае он несомненно предпочел более «легкую» версию «трудной» («иларионские дни» и т. д.).¹⁹ В «сборниках Курбского» — тоже только один вариант притчи, но отличный от всех других версий с характерным для этой версии введением: «А еже речени, глаголя: воссылати к богу об отмищени своем, и сия или не веси. . .» (у Курбского не совсем так: «буду . . . вопияти на тя пребезначальной Троицы. . .»)²⁰

Э. Кинан полагает, что первоначальным в данном случае был текст притчи в краткой редакции (происхождение которого и отношение к тексту Ареопагита он никак не объясняет). «Сборники Курбского» содержат «парафраз» этого текста краткой редакции (229). Составитель хронографического извода и «полной редакции», «который явно имел в своем распоряжении все тексты», использовал сперва притчу из «сборников Курбского» (выправив ее по тексту Ареопагита), а затем присоединил к ней притчу из краткой редакции, включая текст (поучение Курбского), который был взят из «сборников» и который он уже копировал (217).

Но объяснение это не представляется убедительным. Текст притч о Карпе—Поликарпе в 1-й пространной редакции и хронографическом виде 2-й пространной никак нельзя вывести из соединения текстов «сборников Курбского» и краткой редакции, ибо первая притча в 1-й пространной не имеет никаких специфических совпадений с текстом притчи «сборников». В первой притче главным действующим лицом выступает Карп, в «сборниках» — Поликарп; в первой притче он призывает кару на «безбожников» (язычников), в «сборниках» — на «развращающих церковь божию»; в «сборниках» нет ни видения, ни явления Христа и «щедрый» выражает лишь готовность грешников «спасати, аще ми покаются» (дополнение немаловажное!).

Таким образом, гипотеза Э. Кинана никак не помогает решить «загадку Карпа—Поликарпа».²¹

¹⁷ Переписка. . . С. 43—45, 94—96. Ср.: ВМЧ. Октябрь 1—3. СПб., 1870. Стб. 764—767.

¹⁸ Ср.: Лурье Я. С. Первое послание Ивана Грозного Курбскому: (Вопросы истории текста) // ТОДРЛ. Т. 31. С. 227—228.

¹⁹ Переписка. . . С. 58—59.

²⁰ Послания Ивана Грозного. С. 121. Ср.: Переписка. . . С. 8.

²¹ Особенно подчеркивая значение заключительного поучения притчи («И аще убо. . .») о Карпе—Поликарпе, Э. Кинан придает почему-то важное значение тому, что в поучении ко второй притче в 1-й пространной («полной») редакции читается: «злобеснаго изменника неправедна на злую волю молящася. . .», а в хронографическом виде и «сборниках Курбского»: «злобесного <в «сборниках»: бессмысленное «без-

Этим исчерпываются текстологические аргументы Кинана. В остальном же он ограничивается изложением «истории дошедших до нас версий» (211) Первого послания Грозного Курбскому с целью уяснения «редакторского поведения» их создателей (218).

1) Первичной версией первого послания автор считает краткую редакцию (далее: кр. ред.). Он, правда, не утверждает теперь, что кр. ред. сохранилась только в списках, которые были созданы примерно в одно, наиболее раннее для традиции Послания Грозного время — 30—50-е гг. XVII в. По-видимому, он согласился (хотя и не оговаривая этого) с тем, что древнейшие списки 1-й пространной редакции не моложе древнейших списков кр. ред. и что кр. ред., как и другие (за исключением 1-й пространной редакции), продолжала бытовать и в традиции XVIII—XIX вв. Но кр. ред., согласно его схеме, остается наиболее ранней версией Первого послания царя. Каковы же были ее источники? В кр. ред. (как и в остальных) читаем обвинения против деда Курбского Михайло Карамыша и его отца Михаила Михайловича в измене при Иване III и Василии III. Обвинений такого характера нет ни в летописях, ни в каких-либо других источниках, кроме Первого послания Грозного.²² Если считать, что оно восходит к первоначальному тексту царского послания 1564 г. (оно читается в 1-й пространной редакции), то все объясняется просто: источником его является живая традиция (основанная на правде или клевете), существовавшая при современниках — Иване IV и Курбском. Но если это обвинение возникло 70 лет спустя (в кр. ред. послания), то его нужно было откуда-то взять. Откуда же?

Не привел Э. Кинан и каких-либо примеров «гладкости», «тематического единства» и «предпочтительных чтений» (207) кр. ред.²³ Напротив, очевидным остается ее фрагментарный и не соответствующий первому посланию Курбского характер. Предположим, что вся переписка Курбского с Грозным — это апокрифы XVII в., своеобразная «литературная игра». Но почему все-таки «Псевдо-Грозный», решив за чем-то ответить «Псевдо-Курбскому», не соблюл самых естественных правил «игры»: не ответил на упрёки своего оппонента достаточно последовательно и в том порядке, в каком они были высказаны? Мы уже отметили явную бессмыслицу в тексте кр. ред. по сравнению с 1-й пространной: враждебными, «безсогласными» боярами здесь объявляются не тайные друзья Курбского (как в 1-й ред.), а «друзи и советники» самого царя. И это не единственное нарушение логики изложения в кр. ред.: здесь обнаруживается ряд таких же бессмыслиц.²⁴ Но как мог составитель кр. ред., если именно он создавал первоначальный текст послания «Псевдо-Грозного», включить в него этот набор бессмыслиц (сохранившихся во всех списках кр. ред.)?

2) Наиболее загадочным звеном в реконструированной Э. Кинаном истории «редакторского поведения» создателей Первого послания Грозного является сокращенная редакция. В сущности она-то и была, по его схеме, первоначальной полной версией Первого послания «Псевдо-Грозного», в которой автор, используя кр. ред., расположил ее фрагменты в порядке, соответствующем оригиналу, и значительно дополнил их, создав ответ, более или менее (с пробелами) соответствующий первому посланию «Псевдо-Курбского». Когда же возникла сокращенная редакция (далее: сокр. ред.)? Все известные нам ее списки — второй половины

наго» измениника неправедника. . .» (220). Но форма «неправедна» (как и «неправедно. . . молящаяся») ничуть не менее законна грамматически, чем «неправедника», а близость хронографического вида и «сборников Курбского» естественна — это виды одной и той же редакции.

²² См.: Переписка. . . С. 57. Ср.: ИСРЛ. СПб., 1901. Т. 12. С. 253; То же. СПб., 1904. Т. 13. С. 2, 47, 82, 88.

²³ Ср.: К е е н а н Е. Л. The Kurbskii—Groznyi Аpostrophe. . . Р. 9—10, 77, 216; Переписка. . . С. 323—324; Л у р ь е Я. С. Первое послание Ивана Грозного Курбскому. С. 217, примеч. 31.

²⁴ См.: Переписка. . . С. 325—326.

XVIII и начала XIX в.; утверждение Э. Кинана в его последней статье, что сокр. ред. «была неоднократно (repeatedly) копирована в семнадцатом и восемнадцатом веках» (207), совершенно непонятно. Никаких ссылок на рукописи сокр. ред. XVII или первой половины XVIII в. автор не приводит; списки, приведенные в «Переписке Грозного с Курбским», все — не раньше середины XVIII в.²⁵ Однако представленная рукописями второй половины XVIII—XIX вв. сокр. ред. действительно должна была, согласно схеме Э. Кинана, быть составлена не позже 30-х гг. XVII в., ибо она, по его мнению, предшествовала 1-й пространной редакции, а эта последняя бесспорно содержится уже в рукописях 20—30-х гг. XVII в. (ЦГВИА, ф. ВУА, № 3, ч. 1; ГПБ, собр. Погодина, № 1567). Любопытно, что в этом случае разрыв в 120 лет между оригиналом текста и его списками не смущает Э. Кинана, хотя в ином случае более скромный хронологический разрыв (начало переписки между Грозным и Курбским в 1564 г. и датировка древнейших рукописей 30-ми гг. XVII в.) казался ему странным и многозначительным фактом.

Но разрыв во времени между составлением сокр. ред. и ее рукописной традицией — действительно, не главная странность этой версии в схеме Э. Кинана. Составитель сокр. ред. не просто более осмысленно расположил фрагменты кр. ред. Он, согласно этой схеме, проделал огромную источниковедческую работу, пополнив текст кр. ред. историческими материалами, которых не было ни в кр. ред., ни в послании «Псевдо-Курбского». Именно здесь должен был впервые появиться рассказ об истории России в период детства и первых лет царствования Грозного, которого нет в кр. ред. (но который содержится в 1-й и 2-й пространных редакциях, относимых Э. Кинаном к более позднему времени). Здесь сообщается о произошедшем в годы правления Елены бегстве Семена Бельского и Ивана Лядского (Ляцкого) в Литву и об измене дяди царя Андрея Ивановича, в которой участвовал родич Курбского Иван Семенович (чьи общие с Курбским родственники — потомки ярославских князей — тут же перечислены). Далее автор переходит к годам боярского правления, рассказывает о приходе к власти Шуйских. Затем приводится известная сцена из детства Грозного: маленький Иван с братом играют, а князь Шуйский не обращает на них никакого внимания, упоминается даже ветхая шуба Ивана Шуйского. Так же подробно перечислены последующие события: отставка Ивана Шуйского, возвращение И. Ф. Бельского, мятеж Шуйских, вторжение Андрея Шуйского в царскую «столовую избу» и учиненное там бесчинство, вмешательство митрополита Макария, грубость Шуйских по отношению к митрополиту. Наконец, описываются события в период, который царь считал началом своего правления: пожар, мятеж против родичей царя Глинских, приход толпы в царское село Воробьево, потом собор с участием Макария, начало деятельности Сильвестра и Адашева, изменнические переговоры князя Семена Ростовского с литовским послом Довойно. Упоминаются и последующие события: поход князя Микулинского на Казань, легкомысленное поведение Курбского и князя Григория Темкина во время нападения крымцев на Тулу.²⁶

Откуда взял составитель сокр. ред. все эти известия, включающие десятки имен? Об измене С. Бельского и И. Ляцкого, борьбе Шуйских с Бель-

²⁵ Ср.: Там же. С. 314—315, 346. К середине XVIII в. относится, в частности, список ЛОИИ, собр. Н. П. Лихачева, по которому Э. Кинан цитирует сокр. ред.: водяной знак рукописи — ярославской мануфактуры Алексея Затрапезного (герб Ярославля, литеры ЯАЗ); ср.: К у к у ш к и н а М. В. Филиграния на бумаге русских фабрик XVIII—начала XIX вв. (Обзор собрания П. А. Картавова) // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки АН. М.; Л., 1958. Вып. II. С. 303; U c h a s t k i n a Z. V. A History of Russian Hand Paper-Mills and Their Watermarks: Monumenta Chartae Papyraceae Historiam Illustrantia (IX). Hilversum, 1962. Pl. 9, N 24, 25; Pl. 192, N 469, 470; К л е н и к о в С. А. Филиграния на бумаге русского производства XVIII—начала XIX вв. М., 1978. № 1054, 1070. С. 236.

²⁶ См.: ГПБ, собр. Михайловского, Q. 281, л. 96—106 об., 108, 111.

скими, пожаре и мятеже в Москве, измене Семена Ростовского, походе на Казань и нападении крымцев на Тулу составитель сокр. ред. мог узнать из официального летописания XVI в. (Никоновская летопись, «Царственная книга»); рассказывая о Сильвестре и Адашеве, он мог опираться (давая, однако, прямо противоположную их оценку) на «Историю о великом князе Московском» А. Курбского (которая помещалась в одних сборниках с сокр. ред. и с которой составитель этой версии был, по-видимому, знаком).²⁷ Но остается еще множество имен и подробностей, которых в летописи не было. Откуда составитель сокр. ред. мог взять упоминание об участии И. С. Ярославского в заговоре Андрея Ивановича Старицкого? Откуда взят рассказ о поведении Шуйского во время «детских игр» Ивана IV с братом и о шубе Шуйского? Ряд подробностей мятежа Шуйских в «столовой избе» в 1544 г. содержался только в приписке на полях «Царственной книги»²⁸ — очевидно, составитель сокр. ред. специально обращался к этим припискам. Откуда составитель узнал о пире, устроенном Григорием Темкиным во время нападения крымцев на Тулу? Ни в каких летописях об этом ничего не рассказывается.

Подчеркнем еще раз: если предполагать, что Первое послание Курбскому было составлено в 1564 г. самим царем и его приближенными, то подобных вопросов не возникает, — источниками могли служить живые воспоминания (точные или тенденциозные) прямых участников событий (проверка которых по текущему летописанию тоже не составляла труда). Но если все это писал неизвестный публицист 70 лет спустя, то требовалась и тщательная работа над источниками, и большие творческие способности (создание мнимых «воспоминаний детства» Ивана IV).

Но вот что удивительнее всего: неутомимый эрудит и талантливый сочинитель, которым мы должны считать составителя сокр. ред., оказывается одновременно крайне небрежным и неаккуратным писателем. Заимствовав из кр. ред. обвинение предков Курбского в измене, он перепутывает имя деда Курбского Михаила Карамыша, назвав его «Андреем Карамышем»; заимствовав из приписок к «Царственной книге» ряд подробностей о мятеже Шуйских в «столовой избе», он ухитряется перепутать имя жертвы мятежа Семена Воронцова, назвав его Семеном «Вороновым» и т. д.²⁹ Все это вполне понятно, если считать сокр. ред. позднейшей версией текста, и совсем непонятно, если видеть в ней отражение оригинала послания.

3) Аналогичные недоумения вызывает в схеме Э. Кинана и история возникновения версии «сборников Курбского». Версия эта, согласно Э. Кинану, возникла в результате соединения сокр. ред. с кр. ред., причем автор исправил текст и расширил заимствования из кр. ред. (210, 214). Предполагать такое вторичное обращение к кр. ред. исследователю, действительно, необходимо, так как в сокр. ред. отсутствовал ряд мест, читающихся и в кр. ред., и во всех остальных версиях, включая «сборники Курбского». Но предполагаемый составитель «сборников» должен был не только дополнить свой источник и исправить его ляпы (заменяв «Андрея Карамыша» на Михаила, «Воронова» — на Воронцова и т. д.), но проделать еще и другую, весьма обширную работу. Целый ряд рассказов из истории правления Ивана IV отсутствует в сокр. ред.; для того чтобы их вставить, составитель «сборников» должен был вновь обращаться к источникам — летописным и неизвестным. Рассказывая о мятеже Шуйских в 1544 г., «сборники Курбского» сообщают, в отличие от сокр. ред., об убийстве Бельского, сосланного на Белоозеро, и изгнании «с великим бесчестьем» митрополита Иоасафа. Первое из этих известий составитель «сборников» мог извлечь из нескольких редакций Никоновской летописи, но

²⁷ Ср.: Переписка... С. 347.

²⁸ ПСРЛ. Т. 13. С. 443.

²⁹ Ср.: Переписка... С. 348.

второе содержалось только в приписках к «Царственной книге» — значит, приходилось обращаться и к ним. Читается в «сборниках» и отсутствующее в сокр. ред. известие о пожаре в церкви «Ивана Святого» (Ивана Великого) — в летописях его также нет, и книжник XVII в. должен был заимствовать его из неизвестного источника. Появляется здесь и известие о мятеже во время болезни царя (в 1553 г.) — извлечь его составитель «сборников» должен был опять из приписок к «Царственной книге».³⁰ Наконец, именно в «сборниках Курбского», согласно схеме Э. Кинана, появляется и известие об исцелении царицы Анастасии мощами «сродника» Курбского святого князя Феодора Ростиславича — известие, которого нет в летописях и которое также должно было восходить к какому-то особому источнику.

Но составитель «сборников Курбского» должен был, согласно «истории создания редакций», предложенной Э. Кинаном, обращаться не только к историческим источникам XVI в. Ему надо было привлечь еще ряд патристических текстов, оставленных без внимания сокр. ред., и в числе их — текст Дионисия Ареопагита. Ибо бесспорная цитата из его послания иноку Димофилу (если даже оставить в стороне притчу о Поликарпе, также входящую, видимо, к этому источнику) в «сборниках Курбского» читается наверняка. Это — раздел, где Ареопагит осуждает Димофила, оскорбившего священника,³¹ хотя и помещен этот раздел в очень странном контексте. Полемизируя с Курбским о войне в Крыму и «германских градах», об отрицательной роли Сильвестра и Алексея (Адашева) в этих событиях (полемики этой, кстати, тоже нет в сокр. ред.), составитель «сборников Курбского» восклицает: «Како же убо воспомяну о германских градах супротивъсловия попа Сильвестра восхищати может иже Сидору вдовица, суду не внемлюще, — ихже вы, желающие на христианство злая, составляете!»³² Что это значит? Как связан Сильвестр и германские города с «Сидором» и «вдовицей»? Загадка эта доставляла немало труда исследователям, пока не была обнаружена и опубликована в 1951 г. рукопись, где весь текст после слов «супротивъсловия попа Сильвестра», начиная с «восхищати может. . .» и кончая отрывком из послания Ареопагита Димофилу о священнике, бессмысленно обрывающемся на словах «Аще. . . видиши раба владыце или старцу юношу», оказался в конце послания и стал вполне понятным.³³ Э. Кинан упоминает эту «дезориентирующую перестановку текста» (208) во всех «сборниках Курбского» (и в хронографическом виде — т. е. во всей 2-й пространной редакции послания, по нашему определению), но хотя для него первичным является текст «сборников Курбского», а не 1-й пространной редакции, никакого объяснения сохранения этой «совершенно случайной» перестановки он не предлагает. Вслед за словами о «Сидоре» и «вдовице» в «сборниках» читаются: ответ на слова Курбского о связи Грозного с «Антихристом», помещенные в самом конце первого послания Курбского, осуждение попытки Курбского выступать «судией и учителем» и подкрепляющие это осуждение цитаты из Библии (Исайя, 3, 1—14) и послания Дионисия Ареопагита (обрывающегося, как мы уже отметили, на середине фразы).³⁴

Таким образом, составитель «сборников Курбского» выступает в по-

³⁰ Ср.: Там же. С. 390 (примеч. 76), 391 (примеч. 77), 393 (примеч. 83).

³¹ См.: Послания Ивана Грозного. С. 110—113; ВМЧ. Октябрь 1—3. Стб. 753—759.

³² Там же. С. 109. Ср.: Переписка кн. А. М. Курбского с царем Иоанном Грозным. СПб., 1914. С. 74 (оттиск из РИБ, т. 31).

³³ Послания Ивана Грозного. С. 530—532, 543—544.

³⁴ В примечании к своей статье Э. Кинан указывает, что обстоятельства, при которых возникла эта перестановка в «сборниках Курбского», «слишком сложны, чтобы быть описаны здесь» (он предполагает осветить их в более пространной статье), и что в «сборниках» (в их первоначальном виде?) фрагмент письма Дионисия просто не вошел в авторский текст (223, п. 8). Но в «сборниках» явно не на своем месте оказывается не только оборванная цитата из письма Дионисия, но таинственная «Сидору вдовица», ответ Курбскому об «Антихристе» и все заключение.

строении Э. Кинана такой же странной фигурой, как и его предшественник, — ученым и старательным книжником, привлекающим разнообразные источники, и небрежнейшим редактором, нагромождающим бессмыслицы и обрывающим введенные им цитаты на полуслове.

4) Не более понятным оказывается и поведение создателя хронографического вида послания, который Э. Кинан почти не отделяет от «полной» (т. е. 1-й пространной) редакции Первого послания Курбскому. Версия эта рассматривается как результат «окончательной ревизии» текста послания в «сборниках Курбского» (210),³⁵ выразившейся в том, что автор вновь (в третий раз!) использовал кр. ред., дополнив и исправив по ней текст «сборников Курбского»; по мнению Э. Кинана, именно составитель этой версии «впервые обратился к оригинальному тексту письма Дионисия Ареопагита монаху Димофилу» (217). Но последнее утверждение неверно — даже если исходить из схемы истории послания, предложенной самим Э. Кинаном. К письму Ареопагита Димофилу восходит не только пассаж с Карпом—Поликарпом, но, как мы уже отметили, и раздел, где Ареопагит осуждает Димофила за оскорбление священника, и раздел этот, хотя и обрывающийся на полужае, читается и в «сборниках Курбского». Источник всего текста письма Ареопагита в Первом послании ясен: письмо дословно совпадает с соответствующим текстом в ВМЧ. Составитель хронографического вида вновь должен был обратиться к тому же источнику, ибо он нашел продолжение оборванного текста: «Аще видени раба владыце или старцу юношу. . .», начиная с окончания этой фразы: «. . . или сына отцу досаждающу вгупе . . . како не устыдитца имамы» и до конца первой половины письма Дионисия Ареопагита, где автор выражает надежду, что сам он будет кроток, «всех злых непричастен». Однако, сверившись с текстом письма Ареопагита, составитель хронографического вида, если исходить из схемы Э. Кинана, повел себя так же страшно, как его предшественники. Имея в своем распоряжении последовательный текст Дионисия Ареопагита, зная, следовательно, как он расположен, этот редактор не воссоединил естественным образом слова «старцу юношу» и их продолжение — «или сына отцу. . .», а оставил в неприкосновенности весь тот фрагмент послания Курбскому, где после упоминания «сусловий попа Сильвестра» «о германских градах» следуют таинственная «вдовица», ответ на концовку Курбского об «Антихристе», осуждение стремления Курбского быть «судьей и учителем», цитата из Библии и начало письма Ареопагита до слов «старцу юношу»; зато совсем в другом месте, в конце послания Курбскому, он привел дальнейший текст Ареопагита (до слов «всех злых непричастен») и собственные заключительные упреки Курбскому, завершающие (вместе с датой) все послание царя.³⁶ Не странно ли это? И не ставит ли такое «редакторское поведение» составителя хронографического вида под сомнение предложенную Э. Кинаном схему?

³⁵ Считая текст хронографического вида вторичным по отношению к «сборникам Курбского», Э. Кинан вместе с тем признает этот текст (как и текст «полной» редакции) наиболее «правильным» (208—210). Несколько иную точку зрения высказал недавно С. А. Морозов. Указывая, что «Я. С. Лурье привел . . . убедительные данные в пользу первичности 1-й пространной редакции Первого послания Ивана Грозного Курбскому по отношению ко 2-й пространной редакции», и соглашаясь (хотя и на основании сопоставлений, не имеющих никакого отношения к этому выводу), что «виды хронографический и „сборников Курбского“ восходят к общему протографу, имевшему перебивку листов» (Морозов С. А. О некоторых спорных вопросах текстологии средневековых памятников // АЕ за 1981 г. М., 1982. С. 111 и 113), автор объявляет вопрос о взаимоотношении обоих видов 2-й пространной редакции спорным. Пересмотр этого вопроса можно было бы приветствовать, но, к сожалению, С. А. Морозов сравнил тексты обоих видов не по рукописям, а по изданию. (См.: Там же. С. 112—113). Даже обратившись к различиям в издаваемом тексте (хотя и далеко не полным — см. выше, примеч. 5), автор мог бы убедиться, что индивидуальные чтения списка ГИМ. собр. Уварова, № 330 (например, «сына Навадяца», «Кипорта» — Переписка. . . С. 67, л. 14 об., примеч. в; с. 71, л. 20 об., примеч. а), отсутствующие в других списках хронографического вида, были им приняты за видовые.

³⁶ См.: Переписка. . . С. 86—89 и 98—100. Ср.: ВМЧ. Октябрь 1—3. Стб. 753—764.

5) Совершенно выпадает из изложения Э. Кинана объяснение последнего этапа намеченной им истории редактирования послания: превращение хронографического вида в 1-ю пространную (по его терминологии — полную) редакцию; он постоянно говорит о «Хронографической»-Полной» редакции как некой единой редакции (210, 216—218). А между тем, по его же схеме (210), «полная» (1-я пространная) редакция возникла как результат очередного исправления текста и нового обращения к кр. ред. (в четвертый раз!) для уточнения мест, явно неточно переданных в хронографическом виде и «сборниках Курбского». Вместе с тем составитель

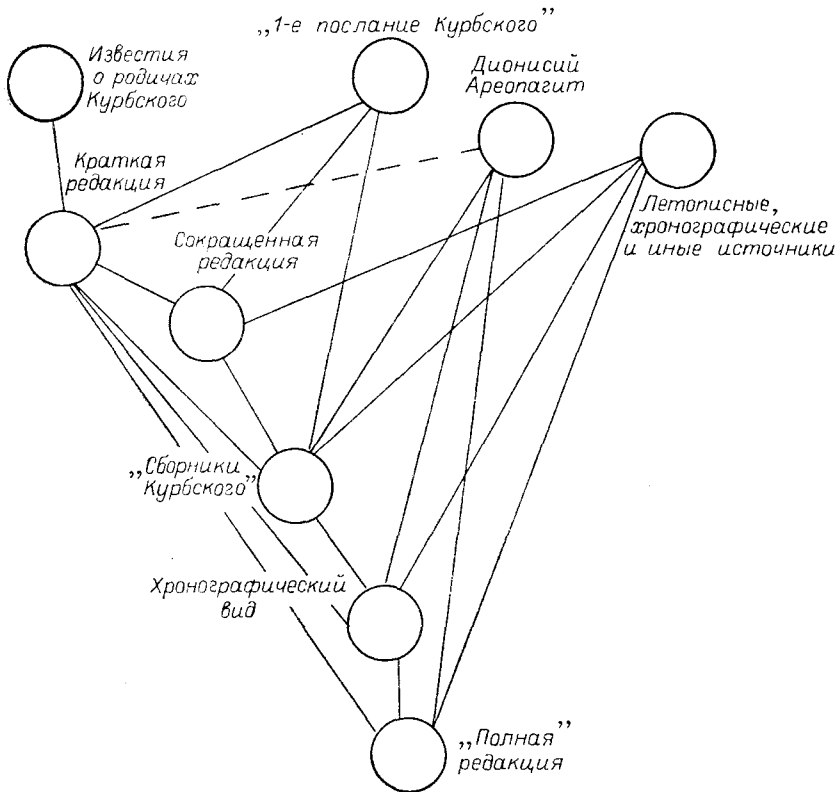

Рис. 1.

1-й пространной редакции смог наконец с помощью текста Дионисия Ареопагита (в ВМЧ) и на основании простого здравого смысла (почему-то не оказавшегося у составителя хронографического вида) воссоединить всю первую часть послания Ареопагита Димофилу и вообще привести текст окончания послания Курбского в нормальный порядок, соответствующий оригиналу. Кроме того, он должен был сочинить и вставить разделы, которые читаются только в 1-й пространной редакции послания и о которых почему-то совсем забыл Э. Кинан: очерк истории Византии после императора Анастасия Дикороса и рассуждение о власти (с осуждением наместничества) и об особенностях государственного управления, не дающих царю возможности осуществлять евангельскую заповедь — «иже бьющему в ланиту обрати другую», ибо она уронила бы царскую «честь». ³⁷ Такое смелое и не вполне ортодоксальное рассуждение можно представить себе в устах Ивана Грозного, но мог ли сочинить его неизвестный книжник XVII в.? Этот вопрос, как и вся история возникновения

³⁷ Там же. С. 22—24.

«полной» (1-й пространной) редакции, вообще оставлены Э. Кианом без внимания.

Итак, вся «история дошедших до нас версий» Первого послания Ивана Грозного Курбскому представляется в изложении ее создателя мало логичной и противоречивой. К этому нужно добавить еще одно обстоятельство, особенно важное для текстолога. Схема Э. Киана требует допущения целого ряда многократных влияний одних и тех же источников на различные версии послания. Каждая из намеченных им версий должна была вновь обращаться к первому посланию Курбского («Псевдо-Курб-

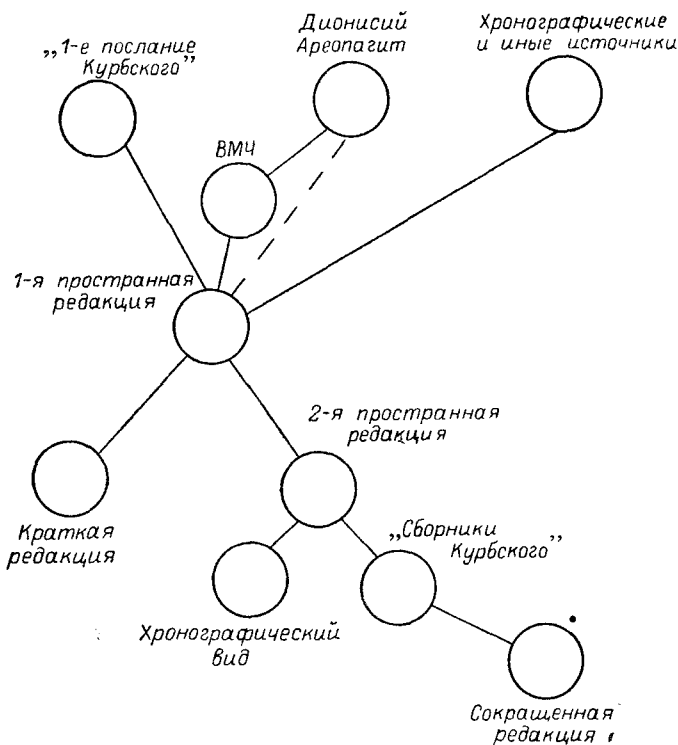

Рис. 2.

ского») для того, чтобы все более приближаться к тексту этого оригинала. Кр. ред. должна была быть использована четырехкратно — при создании сокр. ред., «сборников Курбского», хронографического вида и полной редакции. Три или четыре (если считать притчу о Поликарпе восходящей к этому источнику) раза должны были обращаться составители разных версий к Дионисию Ареопагиту. Четырежды должны были они обращаться и к летописным и другим историческим источникам (см. рис. 1). Конечно, вторичное влияние не раз обнаруживается при изучении истории текста средневековых памятников. Но в каждом случае предположение о таком вторичном влиянии должно с необходимостью вытекать из особенностей текста (дублировки и т. д.).

При обычном, естественном построении текстологической схемы, основанном на сплошном сопоставлении текстов, учете структурных различий между ними и необратимых соотношений, вопрос о вторичных влияниях встает лишь тогда, когда этого требуют показания текстов. Схема может оказаться сложной, но она не должна быть искусственно осложненной. Предлагаемая нами текстологическая схема Первого послания Грозного (см. рис. 2) предположений о вторичных влияниях (кроме, разве что, пассажа с Карпом—Поликарпом) не требует.

Предположения о многочисленных вторичных влияниях возникают обычно тогда, когда схемы не вытекают из сопоставления текстов, а строятся на неких идеях, возникших a priori.³⁸ Именно этим недостатком, на наш взгляд, отличается «перевернутая» текстологическая схема, предложенная Э. Кипаном.

³⁸ Ср.: Л у р ь е Я. С. 1) Еще раз о своде 1448 г. и Новгородской Карамзинской летописи // ТОДРЛ. Л., 1977. Т. XXXII. С. 213—215; 2) О московском летоисании XIV в. // Вспом. ист. дисциплины. Л., 1979. Вып. 11. С. 10—12.